
ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

ПОЭЗИЯ ПЕНЗЫ

Ольга Коршунова

(г. Заречный Пензенской области)

Родилась на Камчатке. Окончила факультет иностранных языков Пензенского государственного педагогического института имени В. Г. Белинского. Преподавала в школе, работала в ПО «Старт». С 1989 года пишет стихи и прозу для детей и взрослых. Член Союза писателей России. Автор 12 книг. Награждена медалью «М. Ю. Лермонтов».

ПЕСНЬ НАДЕЖДЫ

Побегу, задохнусь,
Упаду, онемею
От красы светлой, Русь.
В зорь златую камею
Сердце вправлю свое
И тебе — на ладони.
Как оно запоеет!
Как от счастья застонет!
Каждый цветик, листок,
Облака — ворохами —
Все для песни — исток,
Все взовьется стихами.
О поблажках судьбу
Никогда не просила.
Задохнусь, упаду,
Но земля даст мне силы.
Без опоры душа
Безнадежно пропаща.
Здесь мне жить и дышать —
Воздух Дома всех слаще!

НА ПЕРЕПУТЬЯХ

На перепутьях осени с зимою
С опаской жду, что вьюга стоном взвоят
И заметет судьбы моей следы,
В слепом безумье слез не замечая.
И боли крик, безудержен, отчаян,
Расколет мир в предчувствии беды.

На перепутьях радости и грусти
Тревожусь я, что жизнь вот-вот упустит
Надежды нить, что тоньше волоска,
И беспричинно долю обескровит,
И украдет звезду над сирым кровом.
И оскудеет Господа рука

На перепутьях... Но душа — не камень.
Хоть семь ветров не развести руками,
Я взором пью небес живую синь.
И исцеляюсь этой синевою,
И слышу трепет крыл над головою —
Спешит мой Ангел с чашей свежих сил.

* * *

А на рассвете — чудеса!
Светло-елейно, как в молебен,
И так медовы небеса,
И воздух пряный так целебен.
На мшистых лапах бродят сны,
Туман предутренно рассеян.
Янтарясь на коре сосны,
Зрачок смолы в покой осенний
Глядит... И мысли о былом
Вплетает в кружево рассвета.
Пусть где-то топь и бурелом,
Пусть где-то заблудилось лето,
Устав на жизненном пути,
И грустных полон мир мелодий,
Рассвет не может не прийти,
И весть о нем уже летит!
Он — чудо! Так пускай приходит!
Впусти его! Трухлявый сон
Пусть ковыляет в свой валежник.
Душа с рассветом в унисон
Подарит миру песнь надежды.

ПОЭЗИЯ ПЕНЗЫ

Валерий Сухов
(г. Пенза)

КРЫЛЬЕВ МАТЕРИНСКИХ ОБЕРЕГ

Сухов Валерий Алексеевич родился в 1959 г. в с. Архангельское Пензенской области. Окончил историко-филологический факультет Пензенского государственного педагогического института им. В. Г. Белинского и аспирантуру при Московском педагогическом университете (1997, тема диссертации «Сергей Есенин и имажинизм»). Работал учителем в сельской школе, преподавателем педагогического училища, с 1988 г.— на кафедре литературы и методики Пензенского государственного педагогического университета. Член Союза писателей России.

РОДНИК

Я воду пил из родника,
Обняв замшелый сруб.
Срывались каплями века
С моих дрожащих губ.
И на меня смотрела Русь
Из бездны, словно миф.
На материнский лик молюсь,
Колени преклонив.
Исток обжег устами струй
Горючих русских слез.
Земли родимой поцелуй
Так я в душе унес.

ИСКУПЛЕНИЕ

Метели путь мой заметали,
Но вывел к дому огонек.
Меня встречая, в черной шали
Старуха вышла на порог.
Пустила молча на ночлег
И постелила, словно сыну,
И понял я ее кручину,
Как самый близкий человек...
Нисходит озаренье свыше,

Когда сбивает вьюга с ног.
Вдруг голос матери я слышу:
«Вернись на родину, сынок».
Пусть тучи нависают низко,
Я вижу в темноте огни.
Иду с молитвой материнской —
«Сынок, Господь тебя храни!»
Когда дороги жизни пройдены,
Тогда дойдешь до глубины.
И возвращение на родину,
Как искупление вины.
Святому поклонюсь распятию
И на родной порог взойду.
И на колени перед матерью
Я блудным сыном упаду...

ХОЛМ МОГИЛЬНЫЙ

Мне опять живой приснилась мать.
Подошел, хотел ее обнять.
Но она растаяла во мгле.
И не стало мамы на земле...
Мама умерла в начале осени.
Пожелтев, березы листья сбросили...
Снег теперь хранит ее покой
Долгою холодною зимой.
А весной ей птицы будут петь.
Летом сосны на ветру шуметь.
На могилу осенью приду.
День в гостях у мамы проведу.
Молча по душам поговорим
До вечерней сумрачной зари.
И всплакнет береза надо мной,
Осыпая золотой листвою...
Холм могильный, фото и ограда.
А душа-голубушка — крылата!
От несчастий сохранит навек
Крыльев материнских оберег.

ПОЭЗИЯ ПЕНЗЫ

Вера Дорошина
(г. Пенза)

ПО КРАЮ СВЕТА

Вера Анатольевна Дорошина родилась 29 сентября 1979 года в Пензе. Окончила факультет русского языка, литературы и журналистики ПГПУ им. В. Г. Белинского. Работала редактором в университетском издательстве, международном ООО НИЦ «Социосфера», пресс-секретарем городского Управления культуры. В настоящее время занимается журналистикой. Автор 10 поэтических сборников, многих публикаций в зарубежных, республиканских, региональных и областных изданиях, СМИ. Лауреат Всероссийской премии им. М. Ю. Лермонтова, конкурса имени А. И. Куприна «Гранатовый браслет», журнала «Сура». Член Союза писателей России.

Можно это назвать работой —
раздавать имена облакам,
взглядом взламывать горизонты
и в рюкзак паковать века,

отправляясь по краю света,
по дрожащему краю тьмы —
на вопросы искать ответы,
удивленно смотреть на мир.

Можно это назвать забавой —
нарушая земной уклад,
не налево идти, не вправо,
а все чаще — то под, то над.

Бисер тлеющих слов — на нитку,
в уши — плеер небесных сфер.
И разматывать хрупким свитком
явь и морок наивных вер.

Или это назвать любовью,
на закате упав в траву,
глядя звезды у изголовья?..
Лишь любовью и назову.

Елизавета Баранова (Весина)
(г. Тула)

COLIS EUM?*

Наш постоянный автор.

*«Пока стоит Колизей, будет стоять Рим,
но если падет Колизей, падет и Рим,
а если падет Рим, падет весь мир».*

Пророчество английского монаха
Беды Достопочтенного

I

Был много лет тому назад заложен камень
на месте пруда, где не стать нам рыбаками,
на месте сказочных дворцов,
садов и арок —
народу Рима от властей большооооой подарок.

Сам Император восхищен такой идеей,—
трудилась день-деньской и ночь здесь иудеи —
и травертин крошился в пыль,
и белый мрамор,
и счет не велся ни рабам,
ни страшным ранам.

И вот — арена,
ложа,
свод амфитеатра,
не всякий выйдет, кто сюда войдет, обратно.
и вот — доска с посланьем нам о том, что Титом
шедевр всемирный сотворен,
к дверям прибита.

II

Бои вне правил и хлеба — хлеба задаром.
Не видя битвы, что ты знал о цвете алом? —

* Colis eum? С латинского языка переводится как Поклоняешься ему? Одна из версий происхождения слова Колизей, связанная с проведением оккультистами обрядов внутри амфитеатра в период упадничества его прямого предназначения.

когда мечи пересеклись,
щиты и стрелы?
В награду жизнь — всего лишь жизнь! — тому, кто смелый!!!

И рев животных.
И толпы:
«Хлебов и зрелищ!
Да будет кровь!
Да будет мощь!
К Эребу немощь!
Да что Эреб?!
Диспатер,
Орк,
сюда идите!» —
Ворота ада,
адский круг и... победитель!

О времена!
О, нравы!
Кто
людей научит
вторую щеку подставлять, когда есть случай
на зло ответить добротой,
своим смиреньем?
...Мы до сих пор так поступить не все сумеем...

III

...А между тем не первый век шел нашей эры,
О Вечном городе пеклись миссионеры.
И каждый, кто почти утоп, душой хватался,
как за соломинки, за вехи Христианства.

Чуть успокоилась толпа,
немного стихла,—
молитва действенна была святого Сикста:
кто милосерден, тот прощен,
тот чист,
и небо
себя однажды распахнет.
В сердцах — победа!

И у арены Крестный ход,
и папа Римский,
когда бы знал число убийств, нанес бы риски
на стены, ставшие теперь стенами плача,—
так искупления грехов этап был начат.

IV

...Просили только тишины колонны эти.
И я стояла среди них — колонной третьей,—

металась яркая звезда в сквозных проемах,
как боль,
мученье,
как вина
в глазах огромных.

Что скажешь мне,
колосс,
гигант,
титан безликий?
Как тени древние — твои — сюда проникли?
Как ты попал в далекий век — век двадцать первый,
когда твой путь судьбой не раз,
не два был прерван?

О, всемогущий великан,
как ты вмещался
в грядущий день?
Не обошлось без шарлатанства?..
...Просили только тишины колонны эти...
Как хочешь жить, когда ты видел столько смерти!

V

Сейчас святой Варфоломей спасает жизни.
И Бог-отец во имя нас Вселенной движет.
А я иду, как будто вспять, к средневековью
с какой-то странной, не такой, как свет, любовью.

И дышит древностью толпа (толпа извечна!)...
И я дышала,
ощущая, будто, нечто
меня затягивает внутрь,
внутри Колизея,
как жертву прошлого,
острожника,
как зверя.

Но я смотрела снизу-вверх на эти своды,
как человек, кому смешна цена свободы,
как проходимец,
как беглец — из любопытства,
как тот, кому
самим с собою только биться...

Игорь Лукьянов

(г. Борисоглебск, Воронежская область)

Игорь Лукьянов — русский поэт. Наш постоянный автор. Лауреат всероссийской литературной премии имени Н. С. Лескова. Член Союза писателей России с 1994 года.

* * *

Как в мифах Эллады
Среди океана
С трибуны, с эстрады —
Сирены обмана.

Вторгаются в уши
Лукаво и рьяно.
Уродуют души
Сирены обмана.

Где совесть в блокаде,
Там съпятся страны.
Заткнитесь, покайтесь,
Сирены обмана.

* * *

Всякое есть на свете
Ставка чему высока.
Выйду на русский ветер.
На русские облака.
Зреют вдали огороды.
Гикают в небе стрижи.
Миг абсолютной свободы
Для несвободной души...

* * *

Дорога вела на закат.
Лучась сквозь стекло ветровое
Далекое солнце родное
Привычно печалило взгляд.
Привычно давил на педаль.
Привычно следил за дорогой.

Закат – золотая тревога.
Вечерних минут пастораль.

САД

Доживают последние годы
Эти яблони в старом саду.
Все идет по закону природы.
На него не накинешь узду.
Подопру я усталые ветки.
Скоро осень. А там — снегопад.
Поживи, дорогой мой ровесник,
Мне судьбою назначенный сад.

КАПИТАН

Не один прошел меридиан
Грузный, поседевший капитан.
О себе он много рассказал.
Я о нем в газете написал.
А потом буфетный был форпост
И «За тех, кто в море» — первый тост.
И второй, и третий «взял» стакан...
«Наш! Моряк!» — одобрил капитан.
Шли сквозь вьюгу
Каждый в меру пьян
Два матроса —
Я и капитан.

* * *

Где предательство,
Там и притворство.
Время голых вокруг королей.
Фарисейством
Захвачен воздух.
Ложь исходит из всех щелей.
Врут министры
И прочие ВИПы.
Врет статистика.
Пресса врет.
В эту лажу
Однажды влипнув,
Глубоко в ней
Завяз народ.
По колено,
А, может, по пояс —
Как теперь
Вылезать из нее.
И хохочет
Вселенская подлость —
Сатанинское воронье...

Владимир Корнилов
(г. Братск)

ЗИМНИЕ МЕЛОДИИ

*Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша»
им. Н. С. Лескова.*

ЗИМА В БРАТСКЕ

Декабрь стоял удивительно мягкий,—
И люди все чаще ходили пешком.
Январь же завел посуровой порядки,
Грозя нам своим ледяным кулаком...

Но город был весел, шутив и беспечен.
И даже мороз не унял горожан.
Он, ежась, их тряс за озябшие плечи
И, снегом скрипя, их домой провожал...

А день начинался колючим рассветом.
Курился над городом розовый дым.
...Белесое солнце сквозь изморозь веток,—
Оно в январе нам казалось седым.

РУССКИЙ ГОВОРОК

Зимним утром — снег певуч и звонок —
Каждый шаг озвучен каблуком.
Жители сутулятся спросонок,
Освежая души холодком,

И, вливаясь в зарево проспектов,—
Потекут безудержной рекой,—
Тут порою — не до интеллекта,
Окунувшись в кипяток людской...

Кто-то обожжется грубым хамством,
Кто-то преподаст ему урок.
...Целый день морозное пространство
Оживляет русский говорок.

ЦВЕТЫ ЗИМЫ

Как у художника в наброске,
Штрихи нечеткие во всем,—
Так в пышном инее березки
Стоят в безмолвии своем...

Цветы на ветках выткал иней.
Ольшаник вывален в снегу.
И я на льду, у речки синей,
Кусочек неба стерегу...

Тряхнешь курчавую рябину,
Пульнешь снежком в плечо сосны,—
И вниз обрушится лавина,
Слепя сверканьем белизны...

А день все ниже солнце клонит,
И в царстве снежной полутьмы
Я — очарованный поклонник —
Любуюсь на цветы зимы.

ЗИМНЯЯ ЭЛЕГИЯ

Памяти В. Г. Распутина

Восхищаться перестали мы:
Словно пленкой застит взгляд.
...В пышных шубах горностаевых
Нынче елочки стоят...

Русь зимой щедрá подарками.
В лес войди — и удивись!
За серебряными арками
Здесь совсем иная жизнь...

Плюнь на мысли оголтелые!
Прочь о деньгах разговор! —
И березок шали белые
Озарят твой мрачный взор.

Зазвонят лесные звонницы
О величье бытия,—
И душа добром наполнится
Вновь по самые края.

В СИБИРИ

Словно сказка живая
В расписных теремах,—

Так Сибирь вековая
Нынче вся в кружевах.

...Зимний утренний морок
Всюду мглист и тягуч.
За окном минус сорок —
Даже воздух колюч.

А мороз — аж дымитя...
В белых шубах дома...
Но в сибирской столице
Мне по нраву зима.

Коль метель, — то до нёба,
В рост медвежий снега́.
Здесь не меряно хлеба
И богата тайга.

Здесь вином и закуской
В праздник вас угостят.
Коли пир, — так по-русски,
А обиду простят.

Если горе без меры —
Боль разделят и грусть.
...Не живут здесь без веры
В Православную Русь.

Владимир Шугля
(г. Тюмень)

ШЕСТОЕ ЧУВСТВО

Владимир Федорович Шугля — поэт, публицист, общественный деятель. Родился 30 января 1947 г. в г. Кыштым Челябинской области в семье военнослужащего. Окончил Свердловский институт народного хозяйства (1970), Уральский социально-политический институт (1991). С 1990 г. — президент ООО «Холдинговая компания Т. Д. «Мангазея». Почетный Генеральный консул Республики Беларусь в Западной Сибири. Публиковался во многих журналах, коллективных сборниках и альманахах. Автор ряда книг.

Давно я не был в Беларуси,
Во мне ее родимый зов.
И снова думается с грустью:
Зачем ее миную вновь?!

Душою слышу шум Полесья
И вижу пахоты простор.
И в этом — где бы ни был —
весь я...
О, как нелегко с днями спор!

И от забот не оторваться...
Но в небе памятью больной —
Незримо — мама надо мной,
И годы — тройкой — лихо мчатся...

И с неба:
«Сын, пора домой!»

* * *

Душе дано от Бога зреньё —
Скрещенье чувств, посыл небес,—
Что светом звездных откровений
Готовит сердце для чудес.

Шестое чувство в этом взоре,
Неотделимо от души:

Летит туда, где плещут зори,
Где свет сквозь темноту спешит.

О, это неземное зреньё!
Из серых буден суеты
Рождает новые свершенья,
Мечтаний новые холсты.

Сквозь тернии мостит дороги
За край непознанной межи,
За синие небес отроги...
...И чистит душу ото лжи.

* * *

Нет солнца в полуденном небе,
Но муза в обнимку с душой!
И вот в поэтическом хлебе
Строфа вдруг летит за строфой...

Душа, как космический ветер,
Гуляет в далеких мирах,
Незримой звездой на свете —
Прозреньем — горит в небесах.

И пусть пролетают столетья —
Поэты бессмертны в стихах!
Стихи прорастают в поэте
Подснежником желтым в снегах.

* * *

Аэропорт... И рейса ожиданье,
И люди, словно стайки серых птиц.
Объятья, слезы, встречи, расставанья,
Мельканье лиц...
Мельканье стольких лиц...

Застыло время, тянется как вечность,
Часы вершат,
вершат свои круги,
Забывтых дум таинственная встречность
Опять влачит безвременья шаги...

* * *

Разносит ветер мусор старый —
В дожде зимы шуршат страницы,
И в жиже липкой тротуары
С утра проходим хмурят лица.

На небе мрачно. В тучах утро.
Мороза нет, но все же, все же
В прожилках сонных перламутра
День набежавший душу ежит.

Суровость улиц в дня погоне
Промозглою погодой ранит.
И сердце, словно ветер, стонет
И рвет собой земные грани...

И по инерции — за светом —
Стремится ввысь... Туда...
К зарницам.
А на земле небес крупницы —
Слезинки жизни первоцветом...

* * *

Шепни мне сердце, что устало,
Что дальше жить со мной нельзя,
Что от вокзала до вокзала
Не жизнь... Что все проходит зря.

Что жить, как все, я не умею,
Покой души не берегу,
Несусь потоком, ветром вею...
А надо бы — на берегу...

В ответ — стук сердца под рукою,
И сбои ритма, как слова:
А по-другому разве стоит?
Жизнь, что разлив реки весною...
Нет стрегня — жизнь твоя мертва.

* * *

Проходим километры жизни,
Идем в страну грядущих лет,
Дни радости и счастья выгнав,
И стон души, и плач от бед.

Сквозь сердца раненого призму
Летим мечтой в заветный свет,
Из букв земного магнетизма
Строкою будущих побед.

Шагаем вместе с правдой жизни,
Ступая на отцовский след...
С удачей — девою капризной —
Спешим в непрожитый рассвет.

Николай Еремин
(г. Красноярск)

Наш постоянный автор.

ОКА ВЛЮБИЛАСЬ В ЕНИСЕЙ

Читатель мой!
Ни пуле, ни игле
Не позволяй войти в тебя случайно...
Ни скальпелю...
Ни Ведьме на метле...
Ни Черту в камуфляже — специально...
Нет!
Только лишь — Божественному зову,
Душевному
Спасительному слову...

СОНЕТ-РЕМИНИСЦЕНЦИЯ

Помню, здесь весенним садом,
В сердце — счастье до краев —
Мы всю ночь под звездопадом
Шли на пенье соловьев...
Нынче — звездам господин —
Я, увы, иду один...
По желанию судьбы
Хоть одна упала бы!
И над морем, и в горах —
Соловьиный Лунный свет...
Но тебя со мною — ах —
Нет... Семь бед — один ответ...
Полнолуние — вот те на!
А на сердце — тишина...

ВЕРА-НАДЕЖДА-ЛЮБОВЬ

Я верил,
Что люблю тебя,
Надеялся — невежда...

И где теперь
Любовь моя?
И вера? И надежда?..

Увы, живу теперь
Один
В краю потерь...

Мечтающий
Опять:
Найти — не потерять...

Расуль Ягудин
(г. Париж, Франция)

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Родился в 1963 г. Педагог, филолог, журналист, публицист, поэт, прозаик. Литературные направления: авангардная лирика, остросюжетный мистический триллер, публицистика.

* * *

Просвет не светел в пустоте,
где окна гулки в лунном свете.
Луч искажен,
как на кресте,
на неотсвеченном просвете.
Дома тяжелы от песка,
от туч,
сползающих под ноги.

Был острым холод у виска
вот здесь,
на брошенной дороге
среди домов, смотрящих вдаль
пустыми зенками без света.

Ну, вот —
я кончил пастораль
у освещенного просвета
такой обгрызенной луной
над тополями выше крыши.

Дворы так гулки за спиной,
когда вокруг намного тише.
И здесь в песке и щебне мрак
так мягок, бархатист и влажен.

Мы — под горой почти овраг
во мгле,
как в обнимавшей саже.

* * *

Иглами окон зачеркнута даль.
Дальше — конец возле мглы, как у стенки.

К ночи простор вдруг пахнул, как миндаль,
мраком, как пледом, ложась на коленки.

Он, как сугроб, мне согрел бедра мглой.
Ветер удушлив,
недвижим в коленях.
Ночь очень странно,
как горькой золой,
пахнет миндалем в умерших сиренях.

Глыбы домов так невидимы, так!
Эта бесшумна река...
или тело.
Эта стена так похожа на мрак,
непроницаемо тиха и бела.

Вот.
Этот шаг словно канул в песке.
Глохнут парады на желтой ладони.
Ночь так сыра на беззвучной реке,
словно ребенок, плывя на баллоне.

* * *

В руках цветов,
как в синеве,
почти обнявшей нас крылами,
в огне,
как в небе на траве,
перевернувшейся за снами,
вот в этом всем,
как в долгом сне,
вот в этом —
пахнущем гнильцою
я пыль вздымаю на столе,
настолько схожую с пыльцою.

Мне из угла все тянет длань
какой-то сумрачный и строгий.
Он хоронится за герань
вон —
на окне, как на пороге —
как на пороге через синь,
в окно ко мне смотрящей гнило.

Я из окна сникал в полынь
с таким тяжелом духом ила.
А синь все паялилась в окно,
перевернувшись книзу солнцем.
Я спал
и гладил телом дно
за этим сколотым оконцем.

* * *

На нас глядели через окна лампы,
Когда был кончен путь по мостовым.
К нам прислонялись, словно льдины, вампы
на перекрестке, уводящем в дым.

Вокруг был снег, похожий на туманы.
Он налипал на свет, как на стекло.
Я целовал на вашем сердце раны,
ладонью справа обхватив крыло.

Замерзли свечи на седом восходе.
Скользили кошки лапами в снегу.
Мы обнимались в вымерзшей природе
все там же, на вчерашнем берегу.

На вашей шее было пресно, льдисто.
Был так упруг ваш поцелуй мне в рот.
Ваш снег звенел похоже на монисто,
ссыпаясь крошкой вниз на небосвод.

* * *

Холода подступают снизу —
Там,
где темень среди воды,
где над черным,
снимая ризу,
нам шептали из лебеды.

Тянет, тянет с щелей поземкой.
Снег по полу от сквозняка.
Этим плачем,
как белой пленкой,
заслоняемся от зрчка

под шаги из пространства в угол —
здесь нас ждут, шелестя, часы,
здесь прохладно от плача пугал,
опрокинутых на весы.

Плащ-палатка повязкой прела.
Перегнулась струна на штрих.
Очень страшно вблизи у тела,
непрозрачного возле них.

А пружины скрипят под ночью.
Тихо-тихо, когда рассвет.
Вот — пора,
мы видны воочью
через холод,
сквозь тень и свет.

Константин Струков
(г. Тула)

ЧЕРНОУХО
Сказание о собаке

Наш постоянный автор.

1

В задворках заброшенных,
 в грязных трущобах,
За блеском реклам —
 полумрак.
Там волчьи законы,
 там голод и злоба,
Там город бездомных собак.
Слоняются стаи грязных, лохматых,
Но держатся за вожака.
И кто-нибудь с пьяна
 пошлет их матом,
А может быть даст пинка.
Они огрызнутся,
 хвосты поджимая,
Стремглав убегут от беды.
У мусорных баков
 лежат, поджидая
Хотя бы немного еды.
В том городе правят
 жестокость и сила,
И зависть глухая, и страх.
Бредут друг за другом
 худые псины,
Якшаются, рыщут впотьмах.
Там много калек
 с подбитою лапой,
С расквашенной мордой, слепых.
Там много щенков
 беспомощных, слабых.
Но стая — опора их.
Ночами, устав
 от скитаний, от муки,
Ютятся у теплых труб.

И лижут щенков своих
сонные суки,
И мир для них нежен и люб.

А рано, задолго до хмурого утра
Бредут, чтобы выжить.
Хоть как!
Как выжить?
И ходят, и ищут приюта
В том городе жалких собак.

* * *

Больная собака
дрожала от холода, ветра,
Лежала в углу,
и не в силах подняться с колен,
Чего-то ждала:
похлебки, тепла, человека...
Но нет никого...
Наступал бы скорее конец!
А ветер крепчал,
но в углу было тихо и сыро.
Она вспоминала
у свалки остатки еды:
Колбас кожуру,
и сухарик, и корочку сыра,
И тление мусора —
сизый зловонный дым...
А ветер нес листья сухие
легко, бесшабашно.
И их относил на газоны,
в углы относил.
И теплой копною
прикрыл он больную собаку.
Она задремала
без страха, без воли, без сил.

* * *

Сергеич жил одиноко, как старый бобыль.
В квартире неубрано, пыльно, разбросаны вещи.
Нет сил что-то делать,
следить за порядком нет сил.
К жилью своему охладел он,
как к ветхой одежде.
Завяли цветы и засохла земля в горшках.
И пыль ржавым слоem
весь простенький скарб покрывала.
Соседи по дому говаривали:
— *Наш старик,*

*Сергеич из пятой квартиры,
совсем опустился...*
*Весною жену схоронил
и теперича духом пал.—*
А он никого не просил,
не ходил по соседям.
Он с горем своим
в одиночку справлялся, как мог.
Поужинав скромно, прочитывал давние письма,
Потом у портрета ее небольшого сидел,
В глаза обреченно смотрел, до боли родные.
И каждый раз спрашивал,
что ему делать, как жить?
Глаза почему-то молчали, слегка улыбаясь.

И он уходил, остывающий чай допивал.
И поздно совсем,
ложась в постель ледяную,
У Бога просил, чтоб скорее к себе забирал
Его одинокую душу...

* * *

В прохладное, хмурое утро
зачем-то бродил
Бесцельно по улицам скучным,
по грязным задворкам.
Мучительно он вспоминал:
надо что-то купить к столу.
И медленно, нехотя шел
к продуктовой палатке.
Опять старый двор —
он пришел машинально сюда.
И в самом глухом тупике,
возле ветхих сараев
Увидел собаку.
Недвижно лежала она.
Жива ли была
или жизнь покинула тело?
Он рядом стоял и казалось, забыл обо всем.
В груди только жалость
к беспомощной твари проснулась.
И лишь наклонившись, дыханье едва различил.
— *Жива ведь!..* — подумал Сергеич,
не зная, что делать.
Ласкал осторожно
линялую мягкую шерсть...
Вся серая, будто обсыпана пеплом,
Лишь правое ухо
угольно черным пятном

Казалось на фоне
 пепельной шести.
Она вдруг открыла глаза
 и с надеждой взглянула.
— *Ах, бедная, бедная!*
 Что же случилось с тобой?
Он бережно взял ее тело худое на руки...
Боясь оступиться,
 домой ее медленно нес.
Она лишь глаза открывала
 доверчиво, грустно,
К груди прижималась его,
 как родное дитя...

* * *

Он положил ее на свой тулуп замшелый
Дыхание было частым, как в бреду.
Просила пить, но ничего не ела.
А у него от невеселых дум
Болела голова.
 И с нею рядом
Он просидел всю ночь.
 Давал ей пить.
И снова пить.
 Лишь благодарным взглядом
Она пыталась отблагодарить.

* * *

Он снова смотрел на любимое фото
Сегодня глаза ее были печальны.
Но не было в сердце его отчаяния:
Заполнено новой оно заботой.
Глаза говорили:
 — *Я здесь, я с тобой...*
Я помню тебя в те далекие годы.
Казался ты мне несгибаемым, гордым —
Но что же с тобою случилось, герой?
...А рядом лежала больная собака.
Открылись глаза ее.
 В их глубине
Увидел он боль об ушедшей жене,
Ушедшей в ту пропасть
 забвенья и мрака...

И вот рассвет...
 Она с трудом дышала.
И тут он, пасть раскрыв ей широко,
На страх и риск свой
 водки треть бокала

Ей влил...

Она вздохнула глубоко
Теперь ей, может, станет легче.
А он, устав от тягостных хлопот
Заснул поодаль.

Сон ведь тоже лечит.
И слышит, что жена его зовет.
Спешит он к ней.

Но ждет его собака,
Ее глазами смотрит...

Помоги!

И он во сне был рад жене
и плакал:

Где, где ты, Надя?..

Не видать ни зги.

Проснулся он...

Его находка рядом.

Возможно, ей по нраву
новый кров...

Она ему лишь отвечала взглядом

И этот взгляд
красноречивей слов.

Как называть тебя?

По цвету — Серой.

Иль может Черноухо, может быть...

В такую осень

будто луч весенний

Мрак комнаты пытается пробить.

А за окном уж занималось утро.

Сквозь пыль окна горел неяркий свет.

Квартиры хаос осветил он скудно

И в рамке старой женщины портрет.

* * *

Она очнулась.

Запахи лежалой пыли.

Нахлынули извне, ее заворожили.

Вокруг не улица, но что же? Где она?

Стоит диванчик старый у окна.

Комод высокий, шкафчик незатейный

И стулья в беспорядке у стола.

Простора неба нет, вокруг лишь стены, стены,

Иконка Божья в глубине угла...

И тишина вокруг, скрипят лишь двери тонко.

Нет сверху облаков, лишь нависает полка.

А рядом ОН, заступник, верный друг —

Она чутьем его признала: он вокруг...

Все вещи пахнут им — его носки и брюки,
И эти ласковые жилистые руки.
Все пахнет им — и даже фото на столе.
Везде незримый теплый он оставил след.
А сам тревожно спит на обветшалом кресле.
Она так хочет лечь у ног его, быть вместе.
Но встать пока не может. И плачет, и скулит...
А он, уставший за ночь, беспокойно спит.
И наконец проснулся, подошел к ней близко:
— *Очухалась?.. О, Боже! Ты же голодна...*
Подавал бульона с хлебом ей, подвинул миску
Она, дрожа всем телом, съела все до дна.

Соседка из второй квартиры,
тетка Нюра,
Старухам у подъезда говорила хмуро:
— *Вы квартиранта видели?*
Старик принес.
Дворняга серая, простая...
или пес...
Нашел ее на свалке
или на помойке.
Теперь на улицу не выйдешь — загрызет.
Какой уход она найдет
в его коморке,
Когда живет он там
как старый крот?

Так в этот вечер соседки обсуждали
Судьбы Сергеича подробные детали.

С небесной высоты спускался первый снег.
А это значит — время ускоряет бег.
И так на улице светло и тихо стало,
Что теткам захотелось просто помолчать.

...А где-то у помоек
собак бездомных стаи
Иль медленно бредут,
или спешат опять...
А те из них, что занемогли иль устали,
Без сил и воли отползают вспять.

2

Сегодня ночью сон
как снег растаял.
Он лег на бок другой,
но сон не шел.
Он поменял подушку, одеяло.

Но мысли отгоняли напрочь сон
Накатывались мысли, будто волны.

...Поднялся, к книжной полке подошел.
Он в каждой книге перелистывал страницы.
Среди стихов искал...

И вот нашел.

Нашел поэму... Все в ней так созвучно
Его душе, что по ночам болит.
Там, во вселенной человек остался
Один как перст,
как звездочка вдали.

Ходил как в клетке по квартире,
Читая вслух крылатые слова:

*«Перед одиночеством
бессилен даже стон.
Небо черно-крашеное,
страшное
Над могилой братской,
над простым крестом,
Над
непостижимую
утратую.
Странно, он себя
сегодня не узнал:
С зеркала смотрели опустело
Хмурые глаза его.
Светилась седина
В волосах.
Лицо лишь почернело...
От отчаяния
думал он сначала
— умереть...
Во Вселенной —
одному остаться!...
Но отец.. не дал.
Он завещал
лететь...*

*На тяжелой планете,
окутанной мраком,
Сын далекой земли
затерялся.
Как быть?
Что дальше?
Но падает голос
в вакуум.
Он вырвет*

*отчаяние, страх
из груди.
Рожденный
земною женщиной,
Человек
во Вселенной
совсем один.
И взор свой
направил он в небо:
— О, Боже!
Единственный ты
советчик остался.
Что делать мне,
что же?»*

...А за окном чуть-чуть рассвет забрезжил.
Подумал он: вот ночь уже прошла...
А рядом, у кровати Черноухо
Калачиком свернулась и спала.

* * *

Проснулся он после бессонной ночи,
И встал уставший, и побрел на кухню.
Все тело ныло, голова трещала,
И боль пронзала спину, сдавливала грудь.
Сергеич медленно добрался до аптечки.
Лекарство принял.
Ноги подкосились...
Когда пришел в себя,
добрался до кровати.
И снова лег, и целый час лежал,
Пока дыхание
не стало ровным.

И тут случайно он взглянул на фото.
Ее глаза с тревогой и заботой
Смотрели на него.
Не мог понять он,
Что выражали на сей раз они.

...Пронзила мысль:
пора гулять с собакой.
И он, преодолевая боль и слабость,
Ее на улицу повел...

* * *

Прошли они с собакой переулок
По свежеснеженному снегу.

И в сквер вошли.
Там громче лай собачий.
Выгуливали там своих питомцев
Жильцы домов многоэтажных.
Там было целое сообщество собак
Пород необычайных и размеров разных.
Там Черноухо среди друзей была,
И друг за другом, как в веселой гонке,
Они гонялись, лапы в ход пускали.
И распаялись иногда, и огрызались.
А людям разнимать их приходилось.

* * *

Сергееич в сквере подошел к скамейке.
Сюда добрался из последних сил.
Поправил куртку и надвинул глубже кепку
И поводок собаки отцепил.

Она вначае отбежала резво,
Потом на нем остановила взгляд.
И, обойдя ближайшиe тропинки,
Вернулась не спеша к нему назад.

И села возле ног его. Скулила...
Тревожно, смутно было на душе.
А он лишь потрепал ее по шее,
Погладил серую, густую шерсть.

Прогулку он закончил много раньше.
Придя домой, без промедленья лег.
Таблеток наглotalся, стало легче.
И день за днем лечил себя, как мог.

* * *

Шли медленно.
Бежала Черноухо,
По обнаженным от растаявшего снега,
Весною дышащим газонам.
И, насыщаясь их теплом и вешним светом,
К нему не забывала возвращаться.
Он ковылял, как мог,
и мучила одышка,
И ноющая боль в груди...
Кружилась голова...
Напрявился к ближайшей остановке,
Где можно было сесть
и отдохнуть.
И кое-как дошел
и на скамейку

Смог опуститься. Лег.
Она сидела рядом.
То лаяла отчаянно, то выла.

Терял сознание Сергеич и снова
Оно к нему упрямо возвращалось.
И в эти редкие минуты просветленья
Он смутно видел человеческие лица,
Над ним склонившиеся:

— *Как он?.. Что с ним?..*
Жив ли?..

Так надо вызвать «скорую» скорей!..
И образ встал в сознании перед ним
Его Надежды.

Она смотрела с сожаленьем:
— *Скажи, любимый, что с тобой случилось?*
Кто защитит тебя, душа моя?
Растаял образ.

Руку он откинул,
Нащупал морду Черноухо...
Здесь она...
Весь мир вокруг куда-то сгинул,
Сознание накрыла пелена...

* * *

Как только приехала «скорая помощь»,
Все в ней возмутилось,
ее естество.
И лаяла рьяно на тех, что посмели
Прервать драгоценный покой ЕГО.

Задвинули в белый кузов носилки,
Захлопнулась наглухо дверь.
От лая собака совсем обессилела,
Кто скажет, как быть ей теперь?

* * *

Прохожие, ожидающие на остановке,
Терпели и ветер, и холод. Они
Как будто не замечали собаки,
Лежащей без движения ниц.

Лишь только один из них,
бомж или нищий,
Буханку достал и кусок отломил.
Спокойно погладил собаку и дал ей,
И худо и бедно ее накормил.

Позвал он собаку:
— *Пойдем со мной, серая!* —

Она отвернулась, легла ничком.
Ждала лишь его, своего хозяина,
Ведь думала все это время о нем,

Ждала и надеялась: он вернется,
И лишь отбегала в соседний двор.
И вновь возвращалась к своей скамейке.
Но было ей худо,
хоть лай или вой.

3

Продержали все лето Сергеича
в местной больнице.
Наконец он вышел оттуда
слегка похудевший.
Но несломленный дух в нем окреп,
появились силы.
И пошел неспеша он по листьям опавшим,
В родных стенах его ожидала
неустроенность быта.
И нутром своим он ощущал
пустоту и никчемность свою,
Будто стал в этом мире людей
бесполезным и лишним.
Лишь собака его, Черноухо,
была светлым пятном
В этом черном туннеле
судьбы его трудной.

* * *

Сергеич ходил по проспектам,
бульварам и скверам,
Искал везде свою Черноуху,
смотрел ее, звал.
Уставший, домой возвращался,
и утром снова
Искал на задворках, искал у помоек,
в подъездах искал.
Он дал объявления во все газеты, журналы,
Он спрашивал у знакомых,
у посторонних людей.
Он потерял аппетит,
начал страдать от бессоницы.
Но думал и ночью, и днем
только о ней.

* * *

Сидели опять у подъезда
додельные тетки
И косточки всем промывали,
как и всегда.

Шел мимо Сергеич,
приветствовал женщин:
— *Всем здравств!*
Добавив при этом:
— *Со мною случилось беда...*
И с горечью рассказал
о пропаже собаки.
Нет, тетки не знали,
не видели ни одной
Собаки, похожей на Черноухо.
Но надо бы
Искать ее там,
где гулял Сергеич весной.

* * *

Небо закрыто тяжелыми тучами.
Капали слезы сегодня с утра.
Всюду мельканье плащей и зонтиков.
Вот и настала раздумий пора.

Думал Сергеич о лете прошедшем:
Долго ж в больнице он пролежал!
Где же тот угол, что для собаки
В летнее время пристанищем стал?

Кажется лета вовсе и не было.
Был на газонах подтаявший снег,
Были приборы у койки больничной
И Черноухо, но только во сне.

В сквер он зашел, там собак уже мало.
В дождь морозящий гулять не резон,
Сел на скамейку он, где когда то
С ней, с Черноухо, был рядом он.

Вдруг он увидел возле скамейки:
Рядом с киоском щенят толчея.
Там они, мокрые и смешные,
С мамой резвились: собачья семья.

К ним подошел он:
— *Вы, видно, голодные?*
Встретили жалостным лаем.
Присел,
Чтобы увидеть их
он наклонился
И всю семейку собак рассмотрел.

Все они жались на крохотном коврике,
Кто-то за ними следил
и, наверно, кормил.
Миска стояла рядом
с каким-то кормом.

..Только назойливый дождик
все моросил.

— *Жаль, но ничем вам помочь не сумею.*
Нет ни сухарика в сумке моей.
Взять всех с собой
пока не получится,
Но загляну я сюда
очень скоро, ей-ей.

Гладил и грел их, спасая от сырости,
Сердце сжималось от жалости к ним.
Было четыре простых дворняжки,
С ними их мать, хранитель семьи.

В этот момент ему показалось
Что они чуда какого то ждут.
С сердцем тяжелым покинул Сергеич
Этот убогий собачий приют.

* * *

Вечером подошел к остановке,
Где весной его «скорая» подобрала.
А сейчас пассажиры
ждали автобусов.
Холодно было и сыро,
и все возмущались.
Так и не в силах дожидаться,
брели восвояси.
И сгоряча проклинали
общественный транспорт.

Он терпеливо опрашивал всех —
и детей, и взрослых.
Не попадалась ли им собака,
может, кто видел:
Вся она серая,
но ухо черно, как смоль.
И ни на что не надеясь,
все ж докучал пассажирам,
Но, к сожаленью,
собаки такой
никто не встречал.

Дождь разошелся.
Сергеич решил уходить.
Тут окликнул его
старик невысокого роста:

— *Слышишь, мужик!*
Ты, говоришь, потерял

*Серую суку с черным пятном на ухе?
Помню такую собаку.
Долго ютилась она
Здесь под скамейкой.
Я ее иногда
Хлебом подкармливал
А, порой, чем придется.
Видно она тебя
все время ждала,
Долго ждала.
И днями ждала, и ночами.
Только скулила все время,
плакала будто.
Что ж ты, мужик,
так долго не приходил?
Не дождалась она, бедная.
Умерла.
Может ее отравили,
а может, от горя...*

* * *

*Горечь его охватила и сердце заныло.
От неожиданности
опешил, оторопел.
Лишь одна мысль упорно сверлила:
Жить в одиночестве —
вот его новый удел.
— Где ее тело? —
спросил он, лишь только
Он получил этот страшный удар.
— Похоронил я ее
здесь, недалеко...
Я постараюсь
тебя отвести туда...*

* * *

*Листья шуршали у них под ногами.
Дождик хлестал по одежде, по волосам
Хмурый Сергеич и новый его знакомый
Долго брели и зашли в заброшенный сад.
Вот и могилка собаки —
еле заметный холмик.
Струи косые мешались с грязью
и неспеша
В лужу сливались.
Дождь проникал под куртку.
И от дождя промокала
замученная душа.*

* * *

В сквер зашел он в тот же вечер.
Сумерки на землю опустились.
Дождь прошел и было сыро и прохладно.

Подошел к знакомому киоску,
наклонился.
И увидел там одну собаку,
Без щенков.
Но где же вся семейка?
Он искал щенков везде,
и каждый метр
Около киосков
тщательно обшарил.

* * *

От своих мытарств
он окончательно устал.
И при выходе из сквера,
прямо под скамейкой
Серого щеночка рассмотрел
и в нем узнал
Одного из той заброшенной семейки.

Он почти не шевелился,
с голода ослаб.
Положил Сергеич на ладони это чудо.
Этого щеночка, видно, Бог ему послал.
Здесь оставлен для него, как будто.

Он обнял щенка, прижал к своей груди.
Тот открыл глаза, ответил грустным взглядом.
*Не страшны теперь тебе
ни ветры, ни дожди,
Ведь отныне
я с тобою буду рядом.*

* * *

Листья падают лавиной,
как из рваных туч.
А деревья оголяются,
разбросав одежды.
В жизни пусто и темно,
не сбываются надежды,
И лишь редко
освещает землю солнца луч.

А сегодня этот луч
темноту в душе пробил.

И тепло пришло,
душа раскрепостилась.
Наконец она
с одиночеством простилась.
Может завершились
все превратности судьбы?

Шел домой Сергеич
и сокровище свое
Осторожно нес,
к сердцу прижимая.
— Будет жизнь теперь
новая, иная.
Вот и все. Отныне
мы с тобой вдвоем.

...И, ожившая как будто,
перед ним предстала
Черноухо.
Будто где-то рядышком бежит.
Он подумал:
— Чтобы там ни стало,
Я тебя не позабуду, пока жив.

...Как она его встречала
звонким лаем,
Когда дверь открыв,
домой он заходил!
И, на лапы задние вставая,
Мордой ластилась к его груди.
Как она старалась быть с ним рядом
В те моменты, когда жить было невмочь!
Согревала его грустным зглядом,
Будто знала, как ему помочь.

— А теперь щенок — моя надежда.
Малец крохотный
судьбу мою вершит.
Нет тебя со мной.
Наверно, где-то
Тень витает
твоей любящей души.

* * *

Сутулая фигура вошла в людской поток,
В движеньи хаотичном растворилась.
Спустились тучи.
Темнота на город опустилась.
И снова дождь, как осени итог.

Валерий Демидов
(г. Тула)

КОБА
(Иосиф Виссарионович Сталин)

*Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша»
им. Н. С. Лескова.*

«Да, был культ... Но была и Личность!»
Михаил Шолохов

I

Великий правитель?
Великий тиран?
Чего в его имени больше?
Он Ленина знал,
Был среди каторжан,
Спасал довоенную Польшу.

Ему предъявили
Особенный счет —
За гибель людей от репрессий,
За то, что доньше
В России живет
Дух культа и всяких агрессий.

На нем, говорят,
Не смывается кровь,
Озера из слез не иссохли,
Но Сталина люди
Цитируют вновь
И флаги несут в красной охре.

А скоро исполнится
Семьдесят лет,
Как смерть его тайно настигла,
За номером «2»
Цел партийный билет
И слава с годами не стихла...

Родился он в Гори
В грузинской семье,
Здесь рос молодой Джугашвили,
В духовном училище
Несколько лет
Его православью учили.

Но свет революций
Уже засиял,
И вот Джугашвили стал Сталин,
На ссылки и тюрьмы
Покой променял
И был его путь нелегален.

Не раз из неволи
Он дерзко бежал,
И знали друзья, что их Коба
Мог пламенным словом,
Как острым кинжалом,
Разить, и быть верным до гроба.

Он, мамин Сосо,
Романтический Коба,
Примером которому был Робин Гуд,
Был тверд в убеждении,
Что филантропы
На нашей Земле непременно живут.

И жизнь его стала
Нелегкой юдолью,
Без тени заботы и дум о себе,
Без поисков лучшей,
Безоблачной доли,
Которую вряд ли находят в борьбе...

II

Сегодня мы там,
Где спокойно и сытно,
Где множество благ нас сковало в цепях,
И с внутренним страхом
Глотаем обиды,
У власти бываем подчас в холуях.

Мы волю с неволей
Сплетаем, как кружево,
Готовы отринуть и Бога, и честь,
И больше всего
Драгоценен и нужен нам
Мещанский покой и приятная лесть.

И трудностей тех,
Что отцам выпадали,
Сынам не пришлось в своей жизни пройти,
И мы ведь не знаем,
Как с именем «Сталин»
В бой поднимались, не смея ползти.

Прошлое часто
Мы в ложь одеваем,
Грим свой наносим на сотни имен
Или же просто
В набитом трамвае
Камень бросаем в события времен.

Вот уже в нас
Разгораются страсти,
Мнением каждый своим дорожит:
Сталина время —
Кому-то за праздник,
А для кого-то — исчадие лжи.

Что человек?
Смесь грехов и ошибок,
Он не судья никому на Земле.
Часто за шторами
Милых улыбок
Кроется то, что родилось во зле.

И тысячи разных
Суждений и мнений,
Гамма эмоций, несдержанность чувств —
Вот где рождается
Враг или Гений,
Строятся башни из лжи и причуд.

Пусть именем Сталина
Кто-то гордится,
Пусть кто-то тираном зловещим зовет,
Пушкой упиваются
Самостью лица
И почитают себя за народ,

А я опасуюсь
Подобных эмоций,
И знаю, что путь из ошибок и слез
Из сада Едемского
Тянется, вьется,
И очи не зрят, что шипы есть у роз...

III

Сталину время
Досталось нелегкое —

Нет, не нелегкое — адское время,
Руки его
Обвязали веревками,
Ноги цепями опутало бремя.

Часто курил
Всем известную трубку
С «Герцеговиною Флор»,
И потирал
Свою левую руку,
Важный ведя не спеша разговор.

Ночи не спал —
В тишине было легче
Мысленно видеть родную страну
И принимать
На уставшие плечи
Эту тяжелую ношу — войну.

Он понимал,
Что в ответе за горе,
За многочисленность акций и жертв,
Даже за город
По имени Гори,
Где много лет не бывал он уже.

А когда Якова,
Сына, убили,
Он в одиночестве плакал и пел
Песни Вертинского,
Те, что любили,—
Все на грузинском родном языке...

Кто воевал —
Сталинистами стали,
С ним возрождали из пепла страну,
Знали, что если
Живет рядом Сталин,
То они с ним даже горы свернут.

Так и случилось:
Страна возродилась,
Дружно тогда жил великий народ,
Не было тех,
Кто трудился вполсилы,
Знал только дом свой и огород.

Видели люди,
Как вождь отдыхает,
Трудится как, экономно живет,—
Так и народ его

В ногу шагает
И с неба манны бесплатной не ждет.

Черчилль писал,
Что в великом кумире —
Счастье великой огромной страны,
Нет никого
Равноценного в мире
С силою мыслей такой глубины.

Принял Россию
С сохой и кнутом он,
А вот оставил ее на века
С атомной бомбой,
Всецело готовой
Сталинский выполнить план и приказ.

Даже де Голь
Во французской манере
Сдержанно как-то однажды сказал,
Что Сталин может
С любым сладить зверем,
И на войне это он доказал.

Больше побед,
Чем любых поражений,
Сталин добился за множество лет,
И никаких
Быть не может сомнений,
Что будет жить его авторитет.

Впрочем, и сам вождь
Признал перед смертью,
Что на могилу его нанесут
Мусора много,
Но ветер, поверьте,
Нашей истории *свой* знает суд...

IV

Смерть была трудной.
Страна онемела.
С Лениным вместе он лег в Мавзолей,
Но сила тьмы
Изменить все хотела
И обвинила вождя в его зле.

Странно звучали
В хрущевском докладе
Фразы о Сталине в черных тонах,
Будто и не было

В сталинском взгляде
Мук, что оставила в сердце война.

Будто не он
Все осмыслил сраженья,
Будто не он повернул врага вспять
И поборол
Беды все и сомненья,
Чтобы державе великою стать.

Ночью и тайно
Из стен Мавзолея
Вынесли тело вождя вопреки
Гласу народа,
И цепенели
Партии верные «большевики».

Гроб был простой,
Из деревьев устроен,
Без инкрустаций и ценных камней.
Сняли погоны,
Награды Героя
И закопали в земле поскорей.

Тут же устроили
Стол поминальный,
Кто-то рыдал, кто-то быстро ушел
И весь процесс этот
Злой и печальный
Ленточек красных украшивал шелк...

V

Долгое время
О нем не писали,
Вымарать имя старались из книг,
Но были живы,
Кто с ним воевали,
И слово правды сказали они...

Время течет
Безвозвратно и быстро,
Мы не устанем о нем горевать,—
Верится многим,
Что пламя из искры
Будет в народных сердцах оживать.

Есть ведь и китель,
И строгость шинели,
Трубки, блокноты, любимый табак —
То, что отнять

У вождя не сумели,
То, что не ценится ныне никак.

Ныне в цене
Иномарки и яхты,
Чудо-дворцы, крупный банковский счет,
А для шахтеров —
Забои и вахты,
Утром роса — тем, кто рано встает...

Разве мы лучше
Без Сталина стали?
Разве мы сделали то, что хотели?
Разве свершилось,
О чем мы мечтали,
И стало меньше чинушей с портфелем?..

Жизнь не бывает
Все время спокойной,
Дни не похожи один на другой,
Также и люди —
Бывают достойны
Славы иль просто движенья ногой.

Бог разберет,
Кто был прав, кто ошибся,
Время расставит года по местам.
Мы не хозяева
Собственной жизни —
Наши молитвы есть наша мечта...

VI

Он не был военным,
Но светлым умом
Умел понимать ход военных сражений
И так говорить
О стратегии мог,
Что виден был выход из всех положений.

Когда убеждал,
То был краток приказ,
Зато его мысли глубокими были
И даже прищур
Выразительных глаз
Был словно бы знаком о внутренней силе.

Когда входил Сталин,
Все дружно вставали,
А он их спешил посадить на места
И доброй улыбкой

Глаза его звали
В тот мир, где реальностью станет мечта...

А в зале стояла
Всегда тишина
И взгляды к нему устремлялись,
Как в день тот, когда
Завершилась война,
В которой орудья так долго стреляли...

С людьми он был прост,
Ничего показного,
И даже одеждою равен был с ними,
И видеть его
Так хотелось им снова,
Чтоб вновь насладиться чертами родными.

Он был из народа
И жил для народа,
Познав труд и бедность, неволю и зло,
И в этом была
Его точка отсчета
Всех дел и забот, всех учений и слов.

Да, Сталин велик.
Он труда не боялся,
Во всем был порядочен, честен и скромн,
Частенько шутил,
Добродушно смеялся
И мир его был недоступно огромен.

Он трижды спасал
Дорогую державу —
В гражданской войне, где Деникин грозил,
В борьбе с оголтелой
Фашистской оравой,
А после с диктатом проатомных сил.

Ведь с ним завершилась
Эпоха рыданий,
В которую смог он так смело войти,
В которой познал
Тяжесть бед и страданий,
Смог новые силы в беде обрести.

В победах ему
Почивать бы на лаврах
И почести видеть, пока еще жив,
Но Сталин далек был
От лести и славы
И видел другие уже рубежи.

При нем возводили
Дома и заводы,
Бесплатно учились и в клиники шли,
Никто не боялся
Тяжелой работы
И с юности дружбу и честь берегли.

Все были спортсмены,
Звучали гитары,
Под звуки гармонии плясали в селе,
И знали, что скоро
Давать будут даром
Душистый и вкусный под корочкой хлеб...

VII

Послушайте, мы ведь
Себя обманули,
На веру приняв всю о Сталине ложь!
Вставали отцы наши
Грудью под пули,
И имя его уже не зачеркнешь.

Пусть сложная личность,
Пусть черное с белым,
Но он ведь за правое дело восстал
Не ради себя
И друзей скороспелых,
А ради Отчизны, где Сталиным стал.

Представьте, что он
Проявил бы вдруг слабость,
Бежал из Москвы на далекий Урал,—
Кто мог бы спасти
И Россию, и Запад,
Кому б многократно кричали: «Ура!»?

Представьте, что он
В те жестокие годы,
Как ныне, глаза закрывал бы на все
И свел бы на «нет»
Все богатства природы,
Забыл о трагическом облике сел.

Представьте, что он
Воровал бы, как ныне,
За ширмой своей подлецов укрывал,—
Неужто б мы видели
В этом мужчине
Того, кто не бросит на ветер слова?

Давайте же видеть,
Где ложь, а где правда,
И думать почаще своей головой,
И видеть в *делах*,
А не в позе отраду,
Россию любить, а не бредить Москвой.

Нам Сталин оставил
И скверы, и парки,
Любительский спорт и культуру во всем,
Он знал, что решают
Проблемы все — кадры
И власть отвечает, *что* в кадры несем.

Он, Сталин, любил
Слушать звук патефона,
Не знал, что придет в города Интернет,
Что общество станет
Тюрьмою и зоной,
Что нет уже правды и совести нет...

VIII

Он умер, как Цезарь,
Не зная предавших,
Взошел, как Иисус, на страдальческий крест,
Забыт на полу
Среди смерть ожидавших
«Соратников», ждущих печальный оркестр.

Быть может, подсыпали
Яду в посуду?
Не знает история правды о нем,
И мифы рождались
Под крупные ссуды,
И выжгли враги все бесстрастным огнем.

Но Сталин вернется.
Уже он вернулся.
Он в тех, кто порядочен, честен и смел,
Кто в душных домах
Без любви задохнулся
И образы Зверя увидеть сумел...

Отец мой из тех,
Кто войну повидали.
Я видел, как он тяжело умирал,
А рядом висел
На стене *ego* Сталин —
Товарищ, которого он не предал.

Евгений Чугунов
(г. Луганск, ЛНР)

Чугунов Е. В. родился 6 января 1948 г. в г. Юрюзань, Челябинская область. Учился и работал в г. Туле, преподавал в Тульском политехническом институте. В 1987 г. женился и переехал в г. Луганск, где жил в дальнейшем и был похоронен в сентябре 2019 г. Увлекался историей, философией, искусством и музыкой, но больше всего литературой. Всегда с любовью говорил о Туле и упоминал город в своих стихах.

* * *

Век новый пробует смотреть
поверх голов
туда где сонный
кремлевский сад
где сталь
где медь
тут оружейный
там патронный
завод
царь Петр
не статью тронной
является
непокоренный
град тульский славит
ныне
впредь.

* * *

В Щегловской засеке бродил
шаг в шаг
отмеривая точно
путь
кой снова выводил
туда
где утвердился прочно
лес темный на краю полян
к Пятнадцатой я вроде вышел
тут осень

лето
тут изъян
ущербность неба кое выше.

* * *

Речь чью-то путал
по местам
все больше тульским и толстовским
ходил
благоволил мостам
и тропам
может Маяковским
был опьянен
был не судим
я майским тополем
акаций
грех ныне неисповедим
я чтил придел что нелюдим
Козловой засеки и станции.

* * *

Почтив всех петербуржцев
я рижан
не узнаю
обжегшись на толстовстве
как будто бы по лезвию ножа
хожу
в гордыне
в благородстве
перекипев
пишу о том что твердь
монастыря Щегловского восстала
над пустотой
над парком
тлен и смерть
смешавшись с языком моим попраля.

* * *

Яснополянским будням не вместить
мир
кой только мыслим
во вселенной
свет разума
стыда
ему светить
над пустотой бескрайней и смиренной
есть каждый в каждом
бранный человек

не одолеет времени
в остатке
век XIX-й
XX-й век
заказов
просек и засек
смешенье
дневники
тетрадки
сам по себе
лишь тот кто не ходил
проторенным путем
кто отказался
от дел мирских
безумствовал
судил
на свой аршин
что вехой оказался.

* * *

За ремесло воздаст мне град
за слово город слух утешит
вернет пространной речи лад
гудки фабричные
и скрежет
трамваев красных будет свят
благословив завод петровский
всем кто читают
говорят
булатом издревле грозят
нашествию
рубеж хранят
московский.

* * *

Все та же местность
площадь
дом
думский
от стены кремлевской
взглядов сторону чтобы потом
Чулковским
каяться мостом
покуда монастырь Щегловский
взирает в небо
белый шелк
архитектурной драпировкой
восстанет над тщетою
вершок

пядь кажет белую
снежок
парк что чернит
злит гравировкой.

* * *

Поддержи нас Господи
поддержи детей наших сирых
дай им воли
духовной твердыни
дай им милости
дай им мира
не давай нам богатства
славы
отврати от гордыни и спеси
тут где небо и горькие травы
там где высится пятиглавый
монастырь
где щегловские веси.

* * *

Я прочь ушел из города где тьма
и свет соперничали в межсезонье
где лето северное
где зима
как будто спотыкается спросонья
где больше серый цвет
где монастырь
парит
над зеленью глухополянкой
был сам я царь себе и поводырь
словесностью пересолив славянской.

Олег Мошников
(г. Петрозаводск, Карелия)

В ГОРКУ МЛЕЧНОГО ПУТИ...

Олег Эдуардович Мошников родился 1 ноября 1964 года в г. Петрозаводске. В 1988 г. закончил Свердловское высшее военное политическое танко-артиллерийское училище. Служил заместителем командира военно-строительной роты, в государственной противопожарной службе МВД и МЧС России по Республике Карелия. Работает в одной из организаций ГО и ЧС Карелии. Автор четырех сборников стихов и трех книг прозы. Член Союза писателей России. Живет в Петрозаводске.

НАКАЗ О БЛАГОЧИНИИ

Бумага до готовности лежала —
От росчерка чернильного влажна:
«Беречь людей и нивы от пожаров...»
Во смутные лихие времена —

Чинился бунт, грозящий Алексею
Пожогами раскольничьих скитов:
«Спасти от разорения Россею» —
Наказ о благочинии готов.

Пошел Наказ по весям деревянным —
Обозом от Московской каланчи:
То Смуга на Руси, то басурманы —
Все угли от пожарищ горячи...

Гудел набат: пожарная охрана
На огненных стояла рубежах —
Царь Алексей Михайлович Романов
Тяжелую державу удержал.

Путь огнеборцу издавна указан —
Хранить и впредь предания веков,
Урочность благочинного Наказа...
Сухих тебе, служивый, рукавов.

* * *

И вновь февраль, чернильница —
Речная полынья...
Из сумерек не выльется
Непроливашка дня.
Ни отсвета, ни месяца —
Пролетами моста...
И лишь круги мерещатся,
Где канула звезда.

* * *

Ну, здравствуй, дуб, железная кора!
Литые швы, зазубрины и вехи —
Хранят Петрозаводского двора
Источенные временем доспехи.

Порывами — вздыхает великан,
Кольчужный лист вздымается знакомо:
Привычный к среднерусским берегам —
Ты встал на страже северного дома.

Раскидистый... Склонился надо мной.
Горит щека. Покоен шорох сердца.
Шершавый ствол, играющий волной,
Из тайных пор — выпрастывает детство.

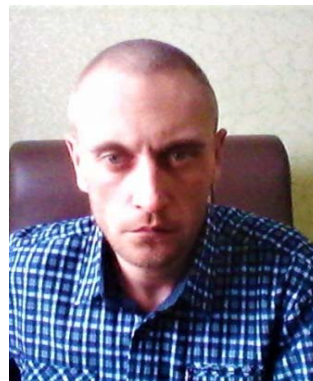
ДУША

По дороге, хлябь и травы
Долгой палкой вороша,
Ради благ и брэнной славы
Не задержится душа.

Через лес непроходимый,
В горку Млечного пути...
Сколько — неисповедимо —
Божьей страннице идти.

Анатолий Арестов
(г. Рубцовск, Алтайский край)

Анатолий Арестов родился в 1985 году в Рубцовске Алтайского края. Учился в Пензенской государственной сельскохозяйственной академии по направлению «Агротомия». Публиковался в изданиях местного и федерального уровней.

ЗЕМЛЯ

Лихорадка изогнутых вен
На морщинистом теле Земли.
Неподвижны изгибы колен,
Острой вечностью в небо влекли.

Воссиял долгожданный рассвет,
Расплавляя небесный металл.
Сколько тысяч далеких планет
Кто-то темной порою искал.

Изменить невозможно Земле
За красоты гранитных колен.
Нет в космической Млечной петле
Лихорадки изогнутых вен.

ТУЧА И ЦВЕТЫ

Железные тучи коржами литыми
Забили на небе зовущую даль,
Они любовались цветами степными —
Повисли на месте, глотая печаль.

Печаль невозврата в далекое детство,
Когда белым паром росли в небесах,
Сейчас бы отдать сбереженные средства,
Но их, увы, нет на промокших весах.

Цветы любовались железной машиной,
Что сверху чернела огромным пятном,

В глазах лепестков была балериной,
Прекрасно танцующей над озерцом.

ПЕРВАЯ ОХОТА

Утром росистым пошли на охоту —
уточек жирных стрелять, на болото,
рядом с селом километров за пять,
нужно собаку охотникам взять!

Вольная птица вполне осторожна,
голой рукой изловить невозможно.
Нос у собаки чуткий на дичь,
людям эффекта, отнюдь, не достичь.

Хитро прищурившись друг говорит:
«Пес мой на деле отпетый бандит,
ловкий, охотничий, быстрый, как зверь,
рыжая бестия — злой спаниель!»

Двинулись в путь: собака, ружье,
байка приятеля, как без нее.
Вот и болото, поющий камыш,
заводь оставил шумящий Иртыш.

Ждали недолго, селезень прет,
женится видно — нагло орет.
Вскинул ружье, три секунды, дуплет,
ай да охотник, выбрал момент!

Селезень в воду. «Рыжик, плыви!»
Рыжика уши мелькали вдали —
пыль из-под лап, словно мчался тягач,
Рыжик пустился безудержно вскачь.

Прочь побежал испуганный пес,
знать до охоты еще не дорос!

РУССКОЕ ПОЛЕ

Русское поле бесценное наше —
В крепких руках драгоценная чаша
Сильной России, кормящая мать,
Некому больше ее приласкать.

Отвесив поклон плодородной земле,
Сохою крестьянин пахал налегке,
С верой надеялся всходу ростков —
Бьются, родные, сквозь черный покров!

Просьба к заступнице Матери Божьей —
«Дай мне седмицу, одну, по погожей!»
Страхом поверженный в засуху летнюю,
Молвил отчаянно просьбу последнюю.

Нивы безбрежной — колос поющий,
Голос услышан во тьме вопиющий!
Вот косовица пришла долгожданная,
Радость великая — поле отрадное.

Косит до пота полоской стальной,
Острое лезвие стебель ржаной
Валит в полоску, на жниву, зерно,
Бедный трудяга, скорей на гумно —

Тяжесть снопов урожайных свезти...
Сколько потов, Боже, прости,
Ливнем сбегало по телу севца?
Поле пахалось и дедом отца...

Русское поле бесценное наше —
В крепких руках драгоценная чаша!

Марина Щенятская
(г. Белгород)

МЕЛОДИЯ ГРУСТИ

Марина Александровна Щенятская родилась в 1984 году в г. Белгороде. Кандидат экономических наук, доцент. Работает в Белгородском государственном технологическом университете имени В. Г. Шухова. Автор книги стихотворений «В сети волшебных лабиринтов». Лауреат Международного поэтического конкурса «Что превращает слезы в благодать...» (2018 г.). Призер Всероссийского ежегодного литературного конкурса «Герои Великой Победы», номинация — поэзия (2019 г.). Стихи публиковались в литературных журналах «Симбирскъ», «Рассвет».

ПОЕЗД

Туман. Протяжные гудки.
И поезд мчится.
И чьи-то в небо от тоски
Вспорхнут ресницы.
К кому-то же состав летит,
Влеком судьбою:
Два одиночества спасти
Одной любовью.

* * *

Как далеко мы друг от друга,
Но мысль с тобой неразделима.
И тишь разлучного недуга
Твои объятья дарит мнимо.
Потоки снов и ожиданий
Рисуют яркую реальность,
Где мы с тобою лучезарны,
И жизнь моя — твоей зеркальность
В лиричных звуков содроганье,
Где несущественного мало...
Душа моя — твоей дыханье,
Твоя любовь — мое начало...

* * *

Я вижу даль, вечерние огни,
Их отраженье в речке утомленной.

О чем молчат, о чем грустят они? —
О том ли, что таят глаза влюбленных?..

О том ли, что с небесной высоты
Легко разбиться, главное разрушив,
И голос сердца дивной чистоты
В слепой гордыне так и не дослушав?..—

Забыв про все стремленья и мечты,
Порвать любви святой златые струны
И раствориться в призраках толпы,
Наполнив душу холодом безумным...

* * *

Мне с тобой всегда туманно,
Океанно и безбрежно,
Парусно и несказанно,
И закатно-безнадежно.
Мне с тобой чуть-чуть тревожно,
Корабельно и дурманно,
Непривычно, сладко, странно,
Горячо и невозможно...

* * *

Морские мысли мне душу греют.
И часто вижу в счастливых снах,
Как расцветает рассвет, алея,
И золотится песок в волнах.

Как я брожу по высоким взгорьям,
Дышу свободой и криком птиц
И, взгляд купая в блаженстве моря,
Не постигаю его границ.

К стихии бурной взывает имя
Мое морское! Оно влечет
В то совершенство прибрежных линий,
Где сердце рвется к прохладе вод.

И я с разбега влетаю смело
В лазурь бодрящих морских глубин,
В алмазных каплях сияет тело,
И радость вьется, как серпантин!

Иду по улочкам, вдаль манящим,
Пью солнце южных и звонких дней.
Ах, как сладко здесь жить настоящим,
Мир обретая в любви твоей!

.....

И в час, когда меня накрывает
Бесцветье будничных пелерин,
О счастье моря напоминает
На пальце ясный аквамарин...

Игорь Лукин
(г. Орел)

Родился в 1988-м году в городе Бровары (Киевская область, УССР). В возрасте пяти лет переехал с родителями в город Орел. В 2005-м году окончил школу и поступил в Орловский государственный университет на филологический факультет. По окончании университета учился в аспирантуре. Автор ряда работ по творчеству Андрея Платонова. Имеет художественные публикации в журналах «Российский колокол», «Литературная учеба», «Приокские зори». Живет в Орле, работает учителем русского языка и литературы.

21 НОЯБРЯ

Обещаю — зимой станет легче,
Скорбь покроется коркой льда.
И зажгутся святые свечи,
Снегопады — вместо дождя.

Тротуар захрустит под подошвой,
Швы замерзнут, окрепнет ночь.
И тревога утонет в прошлом,
И мороз будет рад помочь.

Будет воздух холодный ясен,
Искушенья уснут и страх.
Окна иней густой украсит,
Снег укроет унылый прах.

Из трубы понесется кверху
Разогретый котлами пар.
И кошмарные сны померкнут,
Ослабеет душевный жар.

Обещаю — зимой станет легче.
Потерпи еще десять дней:
Гнет покинет худые плечи,
Станет солнце зимой теплей.

ТЕЛЕВИЗОР

Поскорее включить телевизор,
Чтобы так одиноко не стало,
Чтоб не слышать, как плачут карнизы,
И ветра разрываются шквалом.

Поскорее добраться до пульта,
Чтоб разбавить вечернюю тьму,
И одежду повесить на стулья,
Гробовую взорвать тишину.

Поскорее услышать программы,
Чтобы шум своей боли заглох,
Чтоб футбол и далекие страны
Проводили в спокойствие снов.

Чтобы чей-то дешевенький юмор
Улыбнуться заставил на миг.
Даже если актер где-то умер,
Станут ниже позывы на крик.

Даже если чужие постели
На экране любовью полны,
Станет легче исход понедельный,
Станут мягче тиски тишины.

Пусть дерутся на ринге боксеры,
И грохочет с экрана война —
Голубым мой разбавится морок,
Не поранит меня тишина.

В новостях пусть гудит Украина,
Президенты становятся в круг.
Я под все это лягу на спину,
Телевизор — мой преданный друг.

Я на кнопку нажму только ночью,
Когда сон мой прервет туалет,
И тревога уляжется прочно
Под мерцавший программами свет.

ГРАЧИ

Я увидел однажды грача,
Что упал прямо в мутное русло:
Его братья и сестры кричат,
Разлетаются по небу шустро.

А он крылья расправил, как весла,
Чтобы выбраться к твердой земле,
И взлететь в свое небо после,
И парить на сухом крыле.

Люди города были в парке,
Веселились, не зная о птице.
Только грач был несчастный и жалкий,
В небо жаждал свое устремиться.

И доплыл он, как утка, к берегу,
Только берег желанный высок.
Он в погибель свою не поверил бы,
Если б ввысь устремился в срок.

Грач пытался подняться из бездны,
Залезал на горячий гранит.
Но попытки не стали полезными —
Грач остался рекою убит.

Был один сердобольный сородич,
Что пытался подать ему в клюв.
Остальные не знали про горечь...
Грач пустил пузыри, утонув.

Сколько было подобных грачей,
Что упали в житейскую Лету
Средь разумных бескрылых людей?
И как страшно подумать об этом!

Людмила Леушина
(г. Астрахань)

РОССИЯ-МАТУШКА!

Леушина Людмила Петровна, 1937 г рождения. Закончила физико-математический факультет Астраханского педагогического института, механико-математический факультет Саратовского госуниверситета и аспирантуру в Москве. Более 50 проработала преподавателем на кафедре математики и методики ее преподавания в Астраханском госуниверситете. Состоялась в жизни и как профессионал, и как женщина.

1

Ты много плакала от горя,
Терпела, мучилась, страдала.
Нелегкая досталась доля,
Но побеждала ты вандалов,
И сохранила гордый лик.
Народ твой — скромн и велик.

Тебе чужие не нужны богатства.
Всегда ценила мир и братство.
И пусть тревожны времена,
Ты в этом мире — не одна.

Россия, свету улыбнись!
Народам мира поклонись
И угости всех хлебом с солью,
Сама скорей расстанься с болью.
Я знаю,— ты добру верна,
Любимая моя страна...

Улыбнись, Россия!

2

Я — русская! И этим я горжусь!
Я не больна антисемитизмом.
Многонациональна наша Русь.
Мне чужд и дух слепого шовинизма.

Ведь в наших венах — смесь кровей:
Монголов, викингов, славян.
Нет чистокровных рас! Борьба идей,
Разгул насилия за это — лишь обман!

О человеке судят по большим делам,
А не по крови его дальних предков.
Потомками гордиться должно нам.
А мы о будущем думаем так редко!

3

Россия — матушка, какая — никакая!
Моя ты родина, моя ты сторона.
Тебя так часто обижают, хая,
Те, кто спешит в заморские края.

Одни бегут за призраком удачи.
Другие жили в злобе много лет.
А кто-то, претворяясь, плачет,
Тебе предсказывая много страшных бед.

Ты не жалея таких,— пусть уезжают!
Что проку от того, кто предаёт тебя?!
Ведь большинство и любят, уважают.
И светлого тебе желают дня.

4

Привычное становится обиденным.
Привычное порой не видим мы.
Так города, где много лет живу,
Не замечала красоту.

В разлуке с ним не тосковала.
А возвратившись, вспоминала
Московских площадей размах, простор,
Старинных улиц свет, что так ласкает взор.

Теперь смотрю я вашими глазами.
В них — преданность родимой старине.
История веков встает пред нами,
А мы пришли оттуда, не извне.

Юрий Токарь
(г. Днепропетровск, Украина)

ЭХО НАДЕЖДЫ

Родился 5 января 1967 г. в г. Днепропетровск. В 1988 г. году окончил Днепропетровский государственный университет и начал преподавать математику и физику в сельской школе, расположенной в районе, пострадавшем от аварии на Чернобыльской АЭС. С 1996 по 2003 г. работал директором школы в военном городке (Житомирская обл.). Теперь учитель математики, физики, информатики. Стихи, рассказы, очерки более пятнадцати лет публикуются в центральных украинских изданиях, в России и Беларуси. В декабре 2016 г. в виде электронной книги в Российском издательстве вышел его роман «Учитель», вышел роман «Воля Божья?» о гражданской войне на Украине.

Ты узнаешь любовь, ты узнаешь ее по дыханью,
И по блеску в глазах, что растеряны будут сперва,
Это позже уже постигать станешь светлые тайны,
И ту боль, без которой не наполнятся силой слова.

В тишину превратится шумящий бессмысленно город,
Потому что один только голос сумеет звучать.
Во вселенной во всей для тебя он бесценен и дорог,
Только как же его нелегко в суете отыскать.

О, испить этот мед, что бывает и с привкусом яда,
Это значит коснуться рукою невидимых нот,
Что зависли бедой или счастьем меж раем и адом,
И которые мало кто, даже услышав, поймет.

Только не попадись на фальшивость, прикрытую правдой,
На желания грязь, не рожденного силой любви.
Научиться нельзя, это просто почувствовать надо,
Если ты растеряешься, в помощь лишь Бога зови!

* * *

А давай мы сбежим на другую планету с тобою,
На которой и небо светлей, и закончился дождь,
Где туманы добром, одеялом нас будто укроют,
Только жалко, планету такую меж звезд не найдешь.

Это значит опять, просыпаясь, бежать на маршрутку,
Но, ныряя в метро, оставаться на нужных тонах.
В суету окунаясь от ночи сбежавшего утра,
Не забыть бы надежду, что кротко являлась во снах.

Полонезы слышны даже в этом разорванном мире,
Значит души еще не замерзли в холодные дни.
Пусть не очень тепло было в полночь сегодня в квартире,
Все же мы понимаем, что властны не беды одни.

Понимаем, что здесь нам настроить сердца не мешало б,
Чтоб они в унисон зазвучали мелодией снов,
Хоть надежды для счастья, наверное, все-таки мало,
Но так хочется верить, что есть чистота и любовь.

* * *

Приснилось, что ты в светлом зале огромном,
Где мраморный пол и на стенах цветы,
Дворцовые залы не очень то скромны,
И к ним через лес так не просто дойти.

А в платье для бала ты неотразима,
Но музыки не было слышно во сне,
А слуги и гости прошли, может, мимо,
Одна ты по мрамору шла в тишине.

И нежностью мир, как бокал, наполняя,
Ты щедро хотела ее разделить,
Могла б состязаться с тобою другая,
Но некого в зале пустом победить.

И так захотелось явиться внезапно,
Раздвинув дворцовые стены во сне,
Бояться сияния, знаю, не надо,
И может быть ты подошла бы ко мне.

Но снова будильник позвал к электричке,
Однако я сон забираю с собой,
Конечно, в дороге мне с ним непривычно,
Но, кажется, я хоть немного с тобой!

* * *

Тропинки мудрее дорожек бетонных,
Естественней, точно, чем сеть автострад.
Их ноги рисуют от дома до дома,
В котором тебе будет кто-нибудь рад.
Они, безусловно, минуют овраги,
Без стрелочек разных ведут не спеша.
Их тайны никто не доверит бумаге,
Те тайны, которые знает душа.
Что толку в залитых асфальтом дорогах,
Где шум суетливый, чем эхо сильней.
Не будут тропинки означены строго
На картах, придуманных волей людей.
Ты можешь сама выбирать повороты,
Не стоит пытаться всю жизнь расчертить.
Конечно, всегда будут влечь нас заботы,
А может еще и попытка любить.